

Психушки не были местом, где можно найти уют или тепло, и уж точно не были местом, где любовь была лозунгом, скрывающимся за всеми смайликами. Белые стены, длинные и узкие коридоры, и один уборщик, вечно суется вокруг и моющий пол. Нет, психушки были тюрьмой для людей с запертым разумом, тех, кто не мог выбраться из своего собственного пузыря счастья и безумия. Если вы были в здравом уме, то, работая там, вы бы точно сошли с ума. Это был Алькатрас для невинных; опасных невинных. Попав туда, никогда не выйдешь. С таким же успехом на воротах можно было повесить табличку "Отбрось надежду, всяк сюда входящий".

Однако Грейвволл был несколько иным в этом отношении. Он выбрал иной подход, нежели его ушедшие сестры прошлого, которых один за другим вырезали постоянно обновляющиеся законы. Нет, Грейвволл приспособился к эволюции психотерапии, и благодаря значительному финансированию со стороны правительства того времени все ожило. Пациенты с тяжёлыми расстройствами могли хоть как-то спокойно прожить часть своей жизни, получая посиделки с психиатром института и множество разноцветных таблеток.

Джеред ориентировался в похожих на лабиринт коридорах с отточенной сноровкой. В конце концов его заметила медсестра и мило улыбнулась: — О, если это не Джеред. Прошло много времени с твоего последнего визита. — Ее белая униформа была консервативной, показывая, что общий наряд для психиатрической больницы не подвергался особой модернизации с 60-х годов.

— Нэнси, я вижу, ты как всегда прекрасна. — с усмешкой ответил он.

Она хихикнула, прикрываясь рукой, другая рука была занята корзиной с аккуратно сложенной одеждой. — У меня давно не было возможности привести себя в порядок. Мне всегда кажется, что я постепенно теряю свою женственность. Приятно время от времени услышать комплимент или два.

— Джерри подглядывает за тобой чаще, чем хочет признать. Если ты помашешь ему своими длинными ресницами, его сердце выпрыгнет из груди прямо в твою руку.

Нэнси снова хихикнула, накручивая на палец прядку своих сидящих каштановых волос: — Я знаю, он пристаёт ко всем. Так ты здесь ради Арии?

— Да, как она? — спросил он, продолжая идти к цели, Нэнси была рядом с ним. — Я единственный, кто навещает ее. Это так печально, что она была брошена здесь, а потом выброшена своими родственниками.

— Я знаю... Ее родители позвонили только один раз после ее поступления, и то для того, чтобы убедиться, что она не подняла слишком много шума. После этого они исчезли. Нам так и не удалось связаться с ними снова. — она в досаде зажала нижнюю губу между зубами, — Многие пациенты здесь даже не понимают, в какой ситуации они находятся, а те, кто понимает, становятся озлобленными и злыми на всех и вся, ещё больше изолируя себя.

Из соседней палаты вдруг донесся хор девичьих криков. — Только не это! — Нэнси ускорила шаг - почти спринтерский бег - туда, откуда доносился шум. Учитывая, что они находились в районе, предназначенном только для женщин, в этом здании не было ни одного мужчины, кроме персонала. Джеред молча последовал за ней, засунув руки в карманы.

Постоянный гул ведущего новостей по телевизору, который все время звучал, перекрывался криками и перебранкой разных голосов, разговаривающих друг с другом. Излишне говорить, что это был полный хаос.

— Я сказала, верни, шлюха!

— Нееет, он мой!

— Шлюха! Шлюха! Шлюхааа! Отдааай!

Шум, с которым они пришли, почти перерос в драку. Нэнси нахмурилась, оглядывая всех участников, но потом нахмурилась и выразила лёгкое одобрение. — Донна, Аннабель! Прекратите сейчас же! — ярость в ее голосе не осталась незамеченной, так как наступила тишина. Но она была недолгой, так как косоглазая девочка с короткими волосами выразила своё возмущение.

— Эта кукла моя, Донна! Я не отдам её тебе. — Аннабель отпрянула назад с поджатыми губами, держась за старую изношенную куклу барби, жуткость которой усиливалась отсутствием некоторых конечностей: — Прекрати так себя вести, ты меня пугаешь.

Нэнси вильнула бёдрами и посмотрела на них так пристально, что это вызвало очередную порцию молчания: — Сядьте. Вы обе.

Хотя Донне казалось, что у неё больше шансов, она безропотно согласилась вместе с Аннабель.

— Разве так можно вести себя перед гостем? Вам не стыдно, девочки?

Они бросили быстрый взгляд на Джереда, прежде чем извиниться в унисон: — Мне очень жаль, Нэнси.

— И... — медсестра побудила их продолжать.

— И... — Донна подняла голову и взмолилась: — Нэнси... эта кукла моя, пожалуйста.

— Ч-что... нет, нет, нет... Нэнси! Нэнси! Она моя! Это подарок моей мамы на день рождения, перед тем как она умерла. — Аннабель почти кричала в драматической манере. — Ты ведь не веришь ей, правда? Мы все знаем, что она любит врать!

— А мы все знаем, что ты - шлюха, ищущая внимания! — огрызнулась косоглазая девушка,
— Ты такая надоедливая! Надеюсь, ты захлебнёшься спермой Мейсона и умрёшь!

— Что? Нэнси, ты слышала ее? О Боже... Я не могу поверить, что ты только что это сказала!

— О, пожалуйста, перестань притворяться. Ты больше не папина маленькая принцесса! Повзрослей!

— Эта шлюха украла мою куклу, Нэнси! Она... она не хочет ее отдавать!

Лицо Аннабель постоянно менялось, совершенно потрясённая обидными словами подруги. Ее глаза застекленели от слез, она захрипела и с возмущённой яростью швырнула куклу в подругу, а затем топала обратно в свою комнату с последним детским оскорблением: — Сука!

Нэнси в отчаянии схватилась за лоб: — Мне жаль, что тебе пришлось стать свидетелем этого, Джеред. — Ссоры возникали время от времени, и хотя в большинстве случаев они были глупыми по своей природе и легко сдерживались, если она повышала голос достаточно громко, в других случаях это было не так. Это напрягало - знать, что стоит лишь немного отвлечься, промахнуться, и кто-то может быть ранен или, что ещё хуже, убит одной из девушек из-за перемены настроения, простой мелочности или ревности.

— Все в порядке — отмахнулся он от неё, — Я уверен, что ты привыкла видеть это каждый день.

— Вообще-то, недостаточно привыкла. Мне нужен перерыв и повышение зарплаты.

Джеред добродушно усмехнулся: — Почему бы тебе тогда просто не уволиться?

— Уволиться? — ее лицо скривилось, как будто вкус этого слова был особенно горьким, — И куда же я уйду? Я здесь уже много лет... Я... Я не уверена, что смогу справиться с другой работой в здравом уме, не беспокоясь о времени приёма лекарств, контроле и обращении со всеми остальными, как будто они не психически больны и не готовы зарезать друг друга в один момент. Нет, нет... Я не думаю, что смогу вложить в это всю душу. Мое место здесь, с девочками.

— Понятно. — задумчиво кивнул он, а затем весело улыбнулся: — Ну, я пойду к Арии, если ты не против.

Нэнси ответила собственной улыбкой: — Конечно. Что касается тебя, Донна, пойдём со мной. Мы немного поговорим об этом.

Недовольный стон был последним, что он услышал, когда направился в комнату своей подруги.

...

Арии нравилось думать, что она самая здравомыслящая среди этого стада сломанных кукол. Конечно, чтобы оказаться там, нужно было иметь хотя бы несколько шестерёнок не на своем месте, но пока что она была уверена, что является самой работоспособной в этой яме. Это было милое и уютное место, конечно. Не ее представление о рае, но оно было достаточно близко.

Шум из общей комнаты действовал ей на нервы, особенно когда она просто хотела спокойно насладиться музыкой. Задвинув подушечку наушников поглубже в ушную раковину, она немного увеличила громкость. С довольным вздохом она прислонилась к белой стене позади себя и начала считать капли дождя, стекающие по окну. Сегодня у них была запланирована поездка в соседний магазин; предполагалось, что это редкое событие, поэтому все, понятно, были в восторге. К сожалению, погода не благоприятствовала, поэтому поездку пришлось отложить.

Честно говоря, она предпочитала, чтобы все было именно так. Черта с два она пошла бы по городу с такой шумной компанией, только для того, чтобы симулировать удивлённые вздохи по поводу мелочей, которые она упустила за всю свою жизнь, а потом ожидать, что эти засранцы будут благодарны ей за предоставленную возможность. Не-е-ет. В любой другой день она предпочла бы музыку и книги в уютной постели.

Тихий стук в дверь нарушил ее внутренний диалог. Если бы это был кто-то из персонала, он бы уже ворвался после первого стука. — Войдите — сказала она, отсоединяя наушники.

Дверь со скрипом открылась, и вошёл красивый подросток с улыбкой: — Привет! — Его осанка была прямая, как копьё, и он расхаживал по комнате так, словно владел этим местом.

Ария сжала губы в линию: — Джеред... — Она боролась с собой: бросить в него что-нибудь или вскочить на ноги и обнять этого беспринципного ублюдка. — Я думала, ты сидишь в тюрьме за сексуальные домогательства к маленьким девочкам или кражу обеда у одного слепого ребёнка

в твоей школе.

— Я позвоню тебе, когда окажусь на таком низком уровне. Может быть, меня поместят сюда вместе с тобой. — Улыбка Джереда стала ещё шире, когда она выдохнула своё раздражение, закатив глаза. Было очень приятно видеть, как ее нежное лицо, сильно подчеркнутое филиппинским наследием, слегка подёргивается от недовольства. — Ну, как дела?

— Мех... нормально, я думаю? Не похоже, что здесь может стать лучше. Они просто хотят убедиться, что нам не станет хуже. — Она перекинула одну голую ногу через другую и позволила своей стильной педикюрной ступне болтаться в воздухе, изучая его: — Ты здесь за таблетками? Боюсь, тебе придётся подождать ещё пару часов.

Рот Джереда искривился в нечто похожее на надутость и ухмылку: — Ну, таков был мой первоначальный план.

— Но?

— Но... кое-что случилось.

— Объясни. — она сморщила на него нос.

— Мне посчастливилось познакомиться с одной милой старушкой, которая отговорила меня от этого, вот и все.

— Ого... — Ария пропустила смешок в неверии, — Просто... ничего себе...

Джеред сел на стул рядом с ее кроватью и пожал плечами: — Она была убедительным оратором.

— Я потрясена, это... вау... подожди, дай мне минутку успокоиться. — Она скрестила ноги в медитативной позе и глубоко и театрально вздохнула.

Ещё одна забавная реакция. Боже, ему нравилось издеваться над ней. — Все в порядке. Я взяла на себя обязательство не принимать это дерьмо снова... оно надолго испортило мне голову. — усмехнулся он, — И у меня есть длинный список вещей, от которых я отказался после того, как решил сделать что-то, не причиняющее вреда себе. Я не умею брать на себя обязательства.

Ария отпустила часть своих длинных чёрных волос, упавших на левый глаз, и посмотрела на него таким пристальным взглядом, что сровняла бы с землей любого слабого сердцем человека: — Я знаю, это буквально твоя коронная фраза.

— У любого порядочного человека должна быть такая фраза. — быстро ответил он, ничуть не обеспокоенный ее взглядом "я говорю чушь". — Что? Это правда.

— Пожааалуста, как будто ты более уважаемый человек, чем грязь на моих ботинках, — ответила она с оттенком веселья, — Но скажи мне, как выглядела эта старушка? — Ее чёрные глаза светились интересом.

Джеред принял выражение "потерянного в далёких воспоминаниях", откинувшись на спинку стула и хмыкнув: — Ну... ты знаешь тех старушек, которые ходят в церковь каждое воскресное утро? — На ее кивок он продолжил: — Теперь добавь сюда нотку любопытной соседки, хмурый взгляд слишком заботливой матери и запах педофила в менопаузе в качестве глазури, и бум! Она у тебя есть.

— Хаха, я вроде как хочу с ней познакомиться.

— Ты, наверное, уже знаешь ее. — Джеред усмехнулся: — Похоже, она очень заботится о своих маленьких куклах.

<http://tl.rulate.ru/book/92555/3049618>